

КРОКОДИЛ

Рис. Ив. Малютина.



Некоторые профсоюзные работники настолько у нас очинившимися, что их, повидимому, не переработаем. Их придется все вернуть из списков союзного актива.

(Из доклада тов. Андреева.)

АМЕРИКАНСКИЕ ОБЕЗЬЯНЫ.

В Америке в штате Тенесси запрещено преподавание теории Дарвина о происхождении человека от обезьяны.



— Сколько мы мучились, пока вышли в люди, а эти американские животные нас не признают.

ГИБЕЛЬ ХРЫКИНА.

Эту скорбную, трагическую историю рассказал мне наш новый сослуживец, Зинякин. Как он рассказывал, так я и передаю.

Разговор у нас начался, собственно, не с Хрыкина, а с общих собраний. По случаю хорошей погоды, мне захотелось не пойти на собрание. Я сказал об этом Зинякину и спросил:

— А вы пойдете, товарищ?

— Нет уж,—ответил Зинякин,—воздержусь уж лучше и я. Давайте, задержимся здесь, будто заканчиваем работу,—а минут через десять и удерем. Ну их, эти собрания! Для мебели сидеть—никакой пользы, а с критикой выступать,—так я тоже себе не враг. Влопаешься в неприятности, потом и жизни будешь не рад...

— В какие же неприятности, товарищ?—удивился я.—Даже наоборот: проявление беспартийной активности с деловой критикой весьма нынче желательно, и вообще...

Зинякин горько усмехнулся и махнул рукой:

— Знаем мы эту желательность! Вот и Хрыкин тоже так рассуждал... И погиб Хрыкин-то!

— Какой Хрыкин?

— Обыкновенно, какой: Семен Васильич Хрыкин, счетоводом у нас служил. А погубил его секретарь ячейки. Хотя можно сказать, что сам он себя погубил своим языком, Хрыкин-то... А я его хорошо знал, Хрыкина-то: приятели были...

Глаза Зинякина затуманились, лицо потускнело и в голосе задрожала печаль.

Я спросил, испустив сочувственный вздох:

— Ну, а как же все это вышло-то?

— Очень просто,—сказал Зинякин.—Дернула Хрыкина нелегкая за язык: на собрании выступил с критикой и с предложением...

— С каким предложением?

—Уж не помню теперь, с каким, а только с бестактным. Вышла у него линия как раз против секретаря ячейки. А другие молчали. И, конечно, секретарь отметил. И я, конечно, говорю после собрания: «Эх, Хрыкин, Хрыкин!..» А он, представьте, еще хорохорится: «Теперь,—говорит,—деловая оппозиция даже в почете, и я,—говорит,—знаю, что делаю! Меня,—говорит,—как беспартийного актива, никак нельзя ущемить!». Говорит это, а сам с лица слегка беспокоен, и полной уверенности в голосе у него не замечается. И опять я, хорошо помню, сказал ему: «Эх, смотри, Хрыкин!..»

— Ну! Что же дальше-то?

— Пророческие были мои слова,—печально произнес Зинякин.—Подвел, конечно, секретарь мину под Хрыкина. Погубил человека...

— Да как же он его погубил?

— А так и погубил,—сказал Зинякин.—Запомнил, отметил—и выместил. На следующем общем собрании, при пере-выборах месткома, припомнил ему. Ни виду не показал, ни словом не попрекнул, а только встает и оглашает: «От имени бюро ячейки предлагается следующий список»... и в списке, на втором месте,—Хрыкин, Семен!..

— Ну!

— Ну, и выбрали. Единогласно, при двух воздержавшихся. По списку голосовали: персонального голосования тогда еще не было... И мало того, что выбрали, но и освободили от счетоводных обязанностей для технического секретарства в месткоме. Это Хрыкина-то! Так и погиб человек...

— Да почему же погиб-то?..

Зинякин вздохнул, закрыл книгу личных счетов, потянулся и сказал:

— Растратил, конечно, членские взносы, и припаяли ему три с изоляцией. Ясное дело! Я, ведь, его хорошо знаю, Хрыкина-то: приятели были...

Грамен.

ЗА НОВЫЙ БЫТ.

—Хотя мы, рабочие, есть передовой класс, но жизнь у нас темная,—сказал мне Иван Иванович, товарищ Кузнецов.

И, закурив, пояснил:

— Очень много пережитков старого быта. Про пьянство или религиозные предрассудки я уже не говорю, но возьмите, например, отношение к женам. Иной рабочий и сознательный, и литературу читает,—а на жену смотрит, как на бесправную рабыню. Чуть что не по нем, сейчас—хлоп кулаком по столу!..

«Кто, мол, тут дому хозяин: я или ты?! Кто семейству глава?! На чьи деньги живешь?!» И, конечно, если жена сама не зарабатывает, то принуждена безответно покоряться. А как она может зарабатывать, когда на ее шее ребятыня и хозяйство?.. Муж же первый и не позволит: «Что ж, мол,—я, что ли, за тебя щи буду варить и пеленки замывать?»..

Иван Иванович, товарищ Кузнецов горько усмехнулся и махнул рукой. Затем сказал проникновенно и убежденно:

— И вот, вступив кандидатом в нашу партию РКП, вижу я, что партия наша правильно подходит в этому вопросу и ведет борьбу с темными пережитками. И должны мы все силы наперед, чтобы разъяснить товарищам и бороться за новый быт, показывая на собственном примере... И тут, безусловно, можно многое сделать! Труднее всего, конечно, религиозные пережитки, потому что они крепко внедрились, и за этот дурман многие продолжают держаться, но...

— Ну, а сами-то вы как, товарищ?—перебил я товарища Кузнецова.—Насчет дурмана-то... Освободились?

— Окончательно и в отделку!—весело заявил товарищ Кузнецов.—Как только вступил кандидатом, так сейчас, потихоньку от жены, иконы снял—и на щепки! Потом приношу ей: «На, получай,—ты все жаловалась, что никогда у тебя хороших щепок нет для растопки!»..

— А она?..

— Ну, реву было, конечно, в достаточной степени. Однако же, ничего: обошлось. А вот на Пасху трудней обстоятельства вышли... Целая канитель!..

— Иван Иванович, товарищ Кузнецов улыбнулся, покрутил головой и повторил:

— Каните-ель!.. Вижу я,—собирается баба, честь-честью, куличи печь и пасху лепить. Ну, выбрал время, подхожу... «Вот что,—говорю:—кулич есть слобная булка, а пасха—жирный творог с сахаром и прочими штуками. Если тебе,—говорю,—почему-то приспичило слобной булки и творогу с сахаром поесть, то я не препятствую: делай и ешь! Но, чтоб это была обыкновенного вида булка, а не в форме высокого кулича, и чтоб творог отнюдь не в пасочнице отжимался, и чтоб никаких христовоскресов и прочих нелепых украшений! В противном случае, все выкидаю к собачьим чертям: так и знай!

— Ну, а она?

— Ну,—в слезы. «Я, мол, желаю, чтоб как у людей, и чтоб надо мной не смеялись»... Ну, и всякие тут бабы предрассудки. Закоренелость привычки, вообще говоря. Уперлась, как чорт, на своем: «Ты,—говорит,—можешь не есть и не признавать, а я двадцать восемь годов к пасхе с христовоскресом привыкла, а мне праздник не в праздник, и не смеешь ты мои труды выкидать, и буду я делать, как всегда!» Одним словом, плач и стенание, и полная оппозиция...

— Ну, а вы?..

Иван Иванович, товарищ Кузнецов дернул слегка плечами:

— Ну, уж тут что же... Стукнул, конечно, кулаком по столу: «Кто,—говорю,—дому хозяин: ты или я?! Семье кто глава?! Ты на чьи деньги живешь и творог покупаешь?! Хочешь,—говорю,—чтоб я на развод подал?.. Можно в один момент: только я-то без тебя очень свободно проживу, а ты-то на улицу пойдешь!»..

— Да-а...—сказал я.—Крепко они сидят, пережитки старого быта...

Иван Иванович, товарищ Кузнецов согласился:

— А что же и я говорю?.. И труднее всего, надо признать, с религиозными предрассудками... Очень уж вкоренились!

Никита Крышкин.

„ОКТАБРИНЫ“.

Не везет мне, граждане, решительно не везет.

Уж скоро год, я—зав. рабочим клубом, А счастья нет в душе моей!— как говорил Борис Годунов...

Ни одно клубное выступление гладко не сходило. Раз лектора пригласил,—все ребята разбежались кто куда... Один даже под скамейку залез.

— «Не пойду я, говорит, на лекции, не привык... У меня, говорит, от них живот болит». Ну, что с ним станешь делать? Посидели мы с лектором, покурили, выпили по бутылке пива и разошлись.

Другой раз на сцене у физкультурника трусики развязались. И завязать никак нельзя... Так он потом и в клуб перестал ходить. А публика весь вечер не могла в спокойное состояние прийти. Им годовой отчет читаешь, а они ржут, как лошади...

А третий раз, совсем недавно, история вышла. Приезжаю я на прошлой неделе из отпуска, а мне новость: у сторожа нашего ребенок родился.

Вот, думаю, когда октябрины бы закатыть! Призвал сторожа, говориться. Тот бы все ничего, да боюсь, говорит, баба дома забудет.

— Ничего, говорю, скажи, что мы ситцу на кофту купим и пеленок на год напасем. И имя пускай сама выбирает, какое понравится, только из новых. А уж кума какого наметил!.. Партийного... Яшку Рыпалова! Он и в клубе духовую музыку преподает, и Друг Детей председатель, и в Красной армии служит, и плакаты нам пишет. Прямо не человек, а ГУМ ходячий. Все для всех, как говорится. Он тебе такую речь скажет!..

Наконец, столковались. И имя подобрали «Нинель»,—это в честь Ленина.

Яшку едва поймал, все ему некогда. Однако, согласился:

— Можно. Так, говорит, скажу, что сам ребенок—и тот почувствует. И время назначили.

— Только смотри, говорю, Яша, не опоздай. Опять же и подготовиться надо...

— Ерунда. Я, говорит, в десяти комиссиях по НОТ'у работаю. В пятницу без двенадцати шесть аккуратно буду.

Пришла пятница. Народу собралось—не так, как на лекцию, даже из Губотдела были. Ждем, сидим, ждем... Яшки все нет и нет.

Хотели уж хор вместо октябрины выпускать, публика расходиться начала, вдруг входит Яшка. Смотрит на часы, улыбается:

— Вот, говорит, аккуратность: почти не опоздал! Только давай, брат, скорей, а то сейчас уже восьмой час, а мне в половине седьмого надо на заседание успеть.

Рис. Елисева.

Хотел я его выругать, да раздумал. Еще обидится напоследок. А у нас уж все готово, сцена, родители, и ребенок в красное завернут. Только занавес поднять.

— Ты-то, Яшка, приготовился?—спрашиваю.

— Да я хоть во сне речь скажу...

Тут родитель вылезает:

— А мне, что, спрашивает, так и сидеть для мебели, или какое заявление сделать надо?

— Обязательно!—говорит Яшка.—Да ты знаешь, что сказать-то?

— Откуда же мне-то знать...

Ну, мы с Яшкой враз для него речь составили:

«Товарищи! Хотя я и беспартийный, но как сознательный сын трудового народа, то и отдаю своего ребенка всему пролетариату, чтобы не было упреков, что родители подавляют свободу у детей. Да здравствует диктатура пролетариата и дети, которые цветы жизни!».

Раз десять ему дали повторить. У него аж зубы застучали. Никак «пролетариата» не выговорит, то «пролетка» выходит, то «пролетальянт». Наконец, научили.

Дали третий звонок. Дернули занавес, объявили: сейчас будет, мол, октябрина.

Яшка встает, на руках у него ребенок в красном. Стал перед столом и начал:

— Товарищи!..

И пошел... и пошел...

Чего он не наговорил: и про крестины, и про опиум, и про кумовьев, и как по-церковному: дунь, плюнь, да купанье, и про быт, и про матерей, которых в церковь не пускали... Откуда что берется!..

Под конец и голос у него другой стал.

— А теперь, говорит, товарищи, мы принимаем в свое общество нового члена и нарекаем ему имя Нинель. Это, товарищи, то же, что и Ленин, только как раз наоборот. Приветствую его от Красной армии, которая стоит на страже интересов посреди акул и тигров империализма. И я, товарищи, надеюсь, что когда этот ребенок подрастет и станет свободным, сильным человеком, он будет лучшей сменой для всех нас, и я уступлю свое место и он заменит меня в рядах нашей великой Красной армии...

Не всякий так скажет; прямо не Яшка, а Гамлет какой-то!

Тут, смотрю, родитель поднимается. Ну, думаю, сейчас приветствие начнет, только бы на «пролетариате» не запнулся. Смотрю... жду... А он как разинет рот, да вместо приветствия:

— Ах ты, говорит, так-то твою!!.. Что же ты это, такой сякой, смеяться над нами пришел?.. Ребенок-то у меня девочка, а ты ее в солдаты записывать? Ах, ты, говорит, сукин ты сын!.. Действительно, не запнулся...

Яшка чуть ребенка не выронил:

— Позвольте, говорит, товарищ, я не знал... Я не думал... И потом я занят, у меня сейчас заседание...

Чего тут было!..

Яшка сперва испугался, а потом сам ободился:

— Товарищи, кричит, это провокация! Это мелко-буржуазные элементы! Это опиум с предрассудками! Товарищи, призываю вас к спокойствию!..

А сам бегаёт, ребенком машет, чуть не об стол головой, словно у него не ребенок на руках, а простая табуретка.

Какое уж тут спокойствие... Ребенок орет, сторож на весь зал всякие выражения, а сторожиха молитвы читает, да на Карла Маркса крестится... Ну, думаю, октябрины, чорт бы вас подрал...

Тут, откуда только взялся, подошел к сцене вихрастый такой молодой человек и руку поднял:

— Товарищи, не волнуйтесь!.. Одну минутку, товарищи!..

Затихли немного, слушают. А он, вихрастый-то, откашлялся и начал:

— Э-э... Уважаемые товарищи. Всем нам, конечно, известна теория относительности Эйнштейна, а также омоложение. Поэтому, товарищи, все на свете относительно. И если кто из вас читает газеты, тот знает, что не только слона из мухи, а в некотором роде курицу из петуха можно сделать при современном состоянии науки и техники. При наличии подобных опытов, товарищи, разница в поле не играет никакой роли. Уважаемый товарищ-родитель сможет при своем желании превратить девочку в мальчика, и наоборот, как на это, очевидно, указывал уважаемый товарищ-оратор. И никакого здесь противоречия не имеется. Вопрос исчерпан. Итак, товарищи, здесь получилось простое недоразумение, а поэтому да здравствует диктатура пролетариата и международная революция...

Вот это загнул!.. Публика в зале захлопала, на бис вызывали. Яшка, уж на что бывалый, даже рот разинул, и родители замолчали.

Дальше октябрины как по маслу пошли.

А вихрастого этого (счетоводом в конторе служит) я собственноручно отыскал и поздравил:

— Из вас, говорю, удивительная личность выйдет!

Он кланяется:

— Я, говорит, никогда в этом не сомневался...

А все-таки не везет... Шутка ли — три вечера подряд и все со скандалами.

Юджен.

ОТЦЫ И ДЕТИ.



РАНЬШЕ.

ОТЕЦ:—Вот, видишь, ты не работал все лето, а теперь в гимназию не попал.



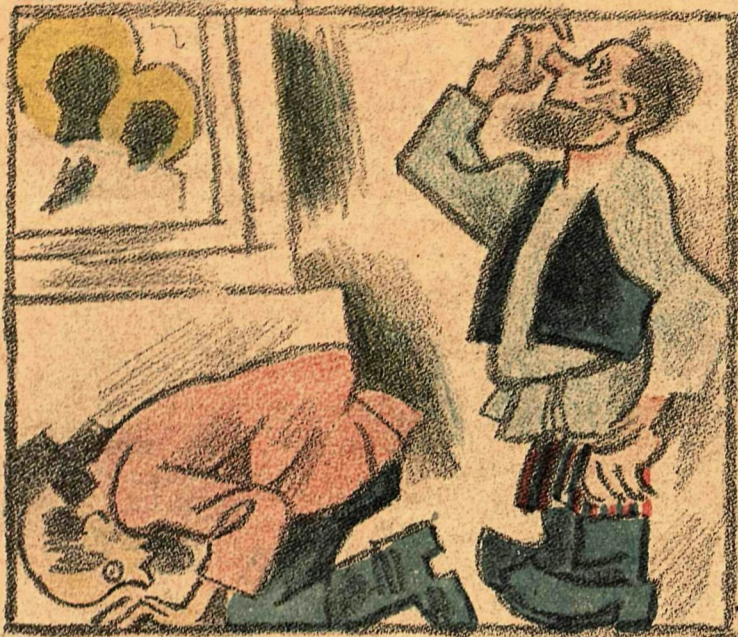
ТЕПЕРЬ.

СЫН:—Вот, видишь, ты не работал всю жизнь, а теперь я в вуз не попал.

ФИЗКУЛЬТУРНЫЕ ДЕРЕВЕНСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ЯВНО УСТАРЕВШЕГО ТИПА.

Рис. Ив. Малютина.

Высший Совет Физической Культуры разработал схему физических упражнений для деревни. (Из газет).



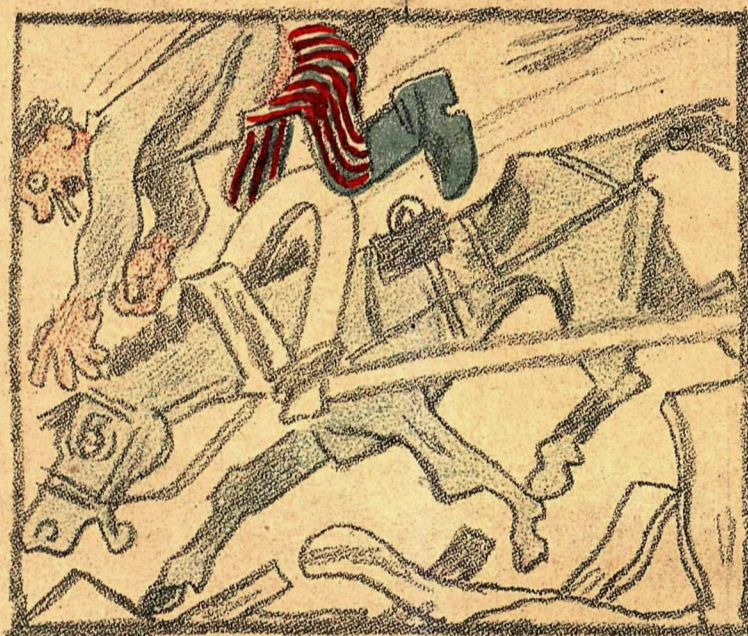
Групповое сгибание и приседание.



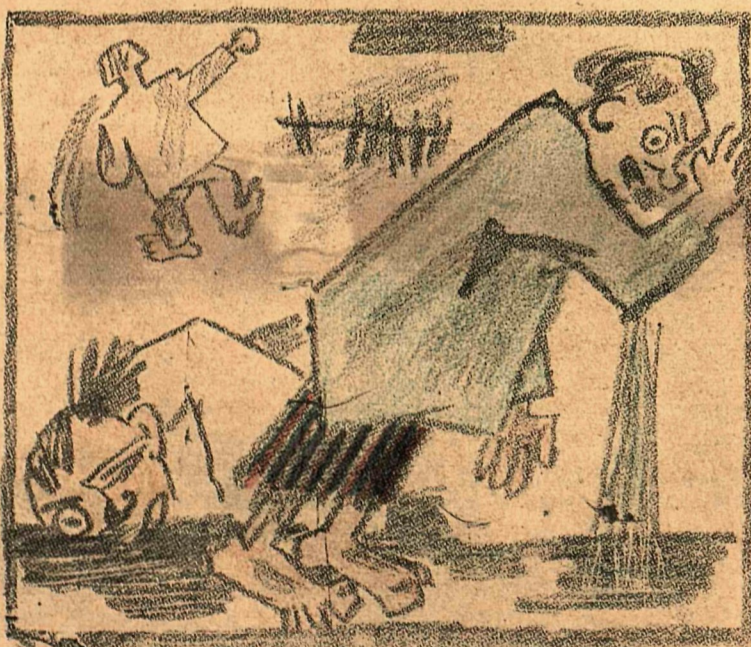
Игра в бабки.



Выжимание одним кулаком десяти пудов.



Прыжки через кобылу (на плохом мосту).



Плавание, а для слабогрудых обливание.



Бокс.

СЛЕПЫЕ В ТЕСТЕ

По всей Москве из конца в конец бегали, искали, приглашали, нанимали. Посредбюро союза совработников измучилось и решило вовлечь в союз коммунальщиков и швейников:

— Шьют? Пальто шить могут, а бумаги—нет? Ерунда! Одно производство. Текстилей бы еще...

А все из-за того, что это был трест «всесоюзного масштаба». Ну, а по Сеньке, как говорится, и шанка. Или—как раньше говорили, теперь отменено:—по барину говядина...

Не может же трест всесоюзного масштаба работать, когда у него служащих—полторы калеки! Трест должен быть внушительный и серьезный: на внеочередном общем собрании по докладу о событиях в... впрочем, никто не разобрал, где события, да и не в этом дело,—но когда по докладу председателя принималась резолюция—во дворе, по летнему времени,—то «за» поднялся такой лес рук, что хоть лесосеки правительные устанавливай и всяческий лесооборот.

Вот в том-то и дело.

А помещение у треста—малюсенькое, московского уплотненного масштаба и не каждый же день, и не целый же день—общее собрание во дворе по летнему времени и лес рук «за», никто против, без воздержавшихся.

Так и пошло.

По очереди служили. Работать хотел кое-кто,—не вышло:

— Мы—служащие!—говорили «работники».

— Вы—служащие!—говорили «работники» даже «ответственным».

И по очереди. И очереди в коридоре.—к месту службы,—нельзя же саботировать! А если один стол и два стула на тридцать человек,—тогда как? Новый стол поставить? А куда его поставишь, когда места нет, как в трамвае переполненном?

Очереди в коридорах.

Ну, известно, какая у нас публика некультурная, даже среди служащих в тресте всесоюзного масштаба: нет того, чтобы молчком простоять свои три часа, пока до ручки достоишься и за свой двенадцатый разряд (плюс двадцать пять процентов) исходящий номер поставишь!—разговаривают. Во время службы. В коридорах. В очередях. Разговоры.

Некультурность и неумение.

А глава треста—жаловался:

— Что же это такое. Во время службы, а?

Нехорошо, очень плохо!

И другие подтверждали,—

— Не хорошо!

— А что же делать-то? Разговаривают! В коридорах, во время занятий!

— А ты прикажи.

Приказ был ясный, приказ был грозный, приказ был красноречивый. И его обсуждали в очередях, в коридоре, во время занятий:

— Как же так? Разве же можно? И с месткомом не согласовано!

И шумели, и галдели. Во время службы, во время занятий, в коридоре, в очередях.

Потому что—на одну ручку—двадцать ручек дамских и тридцать мужских ручищ,—одна даже левая была. А другую ручку—куда положить и зачем?

И опять глава треста жаловался:

— Написал приказ,—и... шум в коридорах во время занятий, в служебное время. Что я буду делать, как я буду жить, а?

Опять: не хорошо.

Ему сочувствовали:

— Нехорошо. Но только... быть может—посетители? С него что возьмешь? Дощечка аккуратенькая—«без доклада не входить»,—он и не входит, а в коридоре—дощечку негде прибить,—езде уже есть плакаты, да и входить некуда,—не протолкнешься.

— Нет, то не посетитель. Посетитель мимо моего треста идет,—на другой тротуар переходит. Это служащие...

И ему посоветовали:

— Прими меры!

А на утро:

— Ликвидирована безработица по секции чернорабочих и по союзу строителей. Вызваны срочно на помощь два батальона саперов и школа маскировки.

В коридорах—волчьи ямы, в коридорах—проволочные заграждения и заложены фугасы. Двери из коридоров в отделы—замаскированы и только предательски светят несколько черных букв на белой дощечке.

...Да не вход..

И все.

Приняты меры. Строжайшие и решительные.

А в коридорах—галдеж, в коридорах, в служебное время, во время занятий—шум и крик. Служащие пролезают сквозь проволоку, местком требует спецодежду для проволоки, обувь для волчьих ям и еще что-то для фугасов. И все шумят. Во время занятий. Снова тридцать ручищ (одна—левая) и двадцать ручек за одной тянутся сквозь проволоку, волчьи ямы, фугасы и маскировку.

Гадят.

Не может же трест всесоюзного значения с парой калеки обходиться!

Не может...

В. ПАВЛОВ.

ОБРАЗЦОВАЯ СИСТЕМА.

- Какая, по-вашему, лучшая система делопроизводства?
- Радио-система.
- Как так?
- Она беспроволочная.

НА ТРАМВАЕ В ПРАЗДНИК.

- Гражданин! Чего с передней площадки лезете? Вы, кажется, не инвалид?
- Да, но если-бы я влез с задней площадки, то я сделался бы инвалидом.

КУМЫСНОЕ.

Летом каждый подправиться хочет.

Одни уезжают по Волге вниз,

Другие в Крым, третьи в Сочи,

А Горелик, Ухин и я—на Кумыс.

По виду все трое на мощи похожи:

Заострены скулы, обструганный нос,

Как говорится—кости да кожа.

Нелегкая в легких. Туберкулез.

Скорее, скорее, скорее лечиться!

В Москве очумеешь, погибнешь, умрешь.

А там—Оренбургская степь, кобылицы,

А главное дело,—кумыс. Даешь!

Приехали. Ожили. Радостный Ухин,

Окинув прищуренным взглядом места,

Ладонью погладил морщины на брюхе,

И, локтем толкая, сказал: «Красота!»

Еще-бы! От отдыха нету спасенья.

Потеем на солнце и тянем кумыс.

Будни проходят, как воскресенья.

Нагуливай кило!—общий девиз.

И вот, незаметно промчались недели.

Московские «мощи» совсем не узнать.

Я стал лицом, как в закате луна.

Где прежняя немочь? Где кости и кожа?

Сосем, как младенцы, кумыс не спроста.

И Ухин, на толстого дядю похожий, ..

Глядят на живот и кричат: «Красота!»

Да здравствует солнце, кумыс, кобылицы,

Ковыль серебристый, кузнечиков звук!

Мы крепнем, тучнеем. Мы жаждем, как птицы,

Помчаться обратно. Работать! В Москву!

АРХИП.

СТАРЫЕ ПЕВИЦЫ.

Жили старухи, были друг дружке сродни по ехидству, назывались тетками.

Задумали старухи романец спеть, а сами до того дряхлы, что голос давно уж потерян: у каждой всего только по одной ноте осталось, да и те дребезжат.

Вот первая старуха и взяла одну ноту — визгливо так!..

А другая другую — хрипло до чего!..

А третья третью, — паршиво так!..

Заорали благим матом, несносно до отвращения.

Не согласное пение, а сплошной срам и конфуз!..

Самим старухам и невдомек, конечно, что такое пение слушать нет терпенья... Уверены тетки, что спелись до того хорошо, что даже т. Зиновьев заслушался, романцем прельстился и сейчас запляшет под нотные те звуки.

На морщинистых обличьях уверенность: спелись, мол, окончательно, весь мир удивим!.. Концерт—что надо!..

И спросить со старух нечего: слепы и глухи старухи...

Помирать им давным давно пора.



ВИАЛЫ В БОК

«ПОПСЕЛЬСОВЕТ».

В с. Табынск (Башреспублика) справляли праздник местной «божьей матери».

«Приезжал архиерей. Служили, собирали монету. В результате табынский поп Селиванов мало наделил монетой архиерея, каковой решил разжаловать попа Селиванова... Услышав это, сельсовет обиделся на архиерея и пишет от имени сельсовета рекомендацию попу Селиванову, как человеку, вполне политблагонадежному и просит архиерея оставить его на пастырском посту».

А вот «Крокодил» не написал бы этому сельсовету рекомендации и пожалуй, что никак ему не остаться на посту дольше, чем до ближайших перевыборов.

НАДПИСИ.

На одном из ленинградских кладбищ нашлась такая надгробная надпись:

Здесь лежит тело женского рода Анастасии Прониной, 33 л., утонувшее 8 мая 1877 г.

В селе Песочном, под Тамбовом, могильный крест б. председателя сельсовета украшен такою надписью:

Здесь похоронена Советская власть председатель совета с. Песочного Иван Дмитриевич Комаров.

На могиле одного безвестного поэта (г. Чернигов) читаем также строки, написанные, очевидно, самим поэтом:

Я здесь лежу, певец немой печали.
Я здесь просплю тысячелетий ряд.
В „Почтовом ящике“ меня лишь осмеяли
Но мой талант потомки оценят.

А на могиле сельского корреспондента (с. Троицкое, Тульск. губ.) находим такое четверостишие:

Корреспондента Резунова
Лежит здесь неподкупный прах.
Он сообщил про все в газету
Врагам трудящихся на страх.

Если советский гражданин имел имя Карл и жизнь его была полезна революции, то немально напрашивается сравнение его с Карлом Либкнехтом. Эпитафия на одной из могил г. Царицына гласит:

Не Либкнехт Карл здесь похоронен,
А Карл Петрович Кессельман.
Он честно умер за свободу,
Погиб во цвете юных лет.

Надпись на могиле в г. Кромах:

Здесь похоронен С. И. Гусев и похоронен В. И. Стуков. Мир праху С. И. Гусева и мир праху В. И. Стукова.

БОЛЕЗНЬ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ.

Заболел в Курганском военкомате инструктор тов. Дзятко. Входит бледный и худой в кабинет комиссара Соболева и рассказывает:

— Заболел я, товарищ комиссар, ходил в больницу, и врач на комиссию отправляет...

— Что-о? На комиссию?—повышенным голосом возражает Соболев,—вы не имели права без моего разрешения—итти на комиссию, и врач назначить вас без моего ведома не имела права...

Гм... Очевидно, без разрешения Соболева и хворать нельзя... уж если, неровен час, помереть, то и совсем беда!.. Уволит без компенсации, а то и под суд забухает.

ПО СТРОГИМ ПРАВИЛАМ ИСКУССТВА.

На фабрике «Красный Октябрь» (Н.-Новгород, Канавино), заболел ткацкий подмастерье. С кем несчастья не бывает! Свезли его в больницу. Пролежал 9 дней и здоровехонький вышел из больницы. Пришел в контору получать зарплату. Получил расчетную книжку, а в ней черным по белому было написано: вычтено за гроб 1 р. 74 к. У малого на голове волосы стали дыбом. Начал протестовать: — «Братцы родимые за что же вы меня хоронить хотите, ведь, я же живой, как есть живой»? А ему в ответ:—Ничего не знаем, вот читай справку их механического отдела: вычесть с такого-то умершего за сделанный ему гроб.

И ведь, что вы думаете: вычли! Вот так таки и вычли!

Оно понятно, что человек может умереть, но чтоб с него же самого вычитали за гроб, так это немножко чересчур...

ПОСТОЯННЫМ ЗАКАЗЧИКАМ—СКИДКА.

Раз покупатель зашел в магазин, два зашел, три—глядишь он постоянный покупатель, и ему полагается скидка. Президиум Воронежского губисполкома точно так и поступает: раз гражданин попался в выделке самогона—штраф, два раза попался—штраф, ну а на третий раз попался—постоянный клиент, и ему можно сделать скидочку. Вот выписка из протокола:

СЛУШАЛИ:

Рассмотрение заявления гр. Соколовой о сложении штрафа за хранение самогонки.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принимая во внимание что гр. Соколова, за хранение самогона подвергалась административному взысканию неоднократно,—наложенный адмделом штраф в сумме 250 р. снизить до 125 руб.

Правильно!

То же рекомендуется проделывать и с совдурками: раз сглупил—дать встрепку, два сглупил—опять встрепку, а уж третий раз—ничего не поделаешь: постоянный дурак!

— Зачислить его в Воронежский губисполком.

СБИВАЮТ!

Ох, уж эти экзаменаторы! Им бы только сбить прилежного ученика. Послушайте, какие каверзные вопросы задают ученикам в политкружках первой ступени, первого рязанского райкома:

— Что такое ГСПС и ВЦСПС?

— Иностраные слова!—твердо отвечает ученик.

— Кто управляет республикой после губсезда советов?

— Комсомол!

— Кто председатель совнаркома?

— Карл Маркс!

Особенно затрудняет расшифровку таких шарад, как СССР. Трудится, трудится ученик над этим словом,—наконец, отгадает:

— Я знаю, товарищ экзаменатор! Только одно «сы» мешает...

— Ну?

— Советский санитарный район!

Оказывается—нет! Это самое третье «сы» никак не отгадаешь!

И Крокодил не может отгадать. Есть, правда, одно совсем хорошее решение:—Сколько Скверных Сопляков В Рязани!

Только вот «В»—мешает!

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Объявляем для сведения рекорд продолжительности сельских собраний.

В с. Костине, Кузм. вол., Ряз. у., открытое партсобрание продолжалось с 12 час. дня до 10 час. вечера. Некоторые местные крестьяне успели за это время пообедать, выспаться и снова, как ни в чем не бывало, появиться на собрании.

Пообедать—мы понимаем, но зачем надо было уходить с собрания, чтобы выспаться? Многие отлично выспались и на самом собрании!

„ПРИЛИЧНЫИ“ ОТВЕТ.

В журнале „Медработник“ появилось объявление: „в гор. Сновск, Черниговской губ., требуются 5 участковых врачей на 30 рублей жалованья в месяц. Объявление произвело на разных врачей различное впечатление. Одни просто недоумевали, другие с горечью подумали о нашей бедности, а третьи—третьи даже не поняли, относиться ли серьезно к этому предложению, и вот что написали сновскому инспектору здравоохранения:

ЗАЯВЛЕНИЕ.

На ваш анонс в „Медработнике“ с приглашением 5-ти участковых врачей на оклад 30 руб. в месяц просим немедленно сообщить:

1) Плата 30 руб. в месяц на всех врачей вместе или каждому по указанной цифре.

2) Требуется ли санитарный стаж и хирургическая подготовка.

3) Требуется ли научные труды.

4) Нужны ли серьезные отзывы.

5) Будут ли вычеты из этого оклада.

Врачи Сидоров, Панкратов, Горелов, Шилов, Шмит.

Гор.Иваново-Вознесенск, почтовый ящик 1725.

Казалось бы, чего проще: или совсем не отвечать на этот запрос, или ответить, что кому не подходят объявленные условия службы, может и не соглашаться. Никто не заставляет. Но сновский инспектор здравоохранения—человек ретивый. Он не снес „оскорбления“, иронизирующих иваново-вознесенских врачей. Он разразился резолюцией:

Возвратить запрос и сообщить, что на запросы хамского порядка официальные учреждения не отвечают. Посоветовать этой милой пятерке впредь научиться соблюдать элементарные правила приличия, каковые должны быть известными врачам.

Инспектор здр. (подпись неразборчива).

А инспекторам здравоохранения должны быть известны „элементарные правила приличия“? Или не обязательно?

Достаточно прочесть запрос врачей и ответ чиновника от здравоохранения, чтобы увидеть, где именно не хватает „элементарных правил“...

Н. Цванкин.

КРАЖА ЛОШАДИНОЙ СИЛЫ.

С фабрики «5 октября» (ст. Струнино, Владим. губ.), Крокодилу сообщают:

«Председатель правления кооператива Беляков, 21 июня, забрал кооперативную лошадь, по кличке «Транвай», и изволил на ней до 24 числа обрабатывать свою землю в с. Быкине, после чего у лошади были побиты ноги и она не могла производить кооперативную работу».

В стенгазете эту заметку поместить не разрешено. Почему это? Может быть, еще у кого-нибудь—рыльце в... лошадиной шерстке?

ИСТОРИЯ БЕЗ МОРАЛИ.

— Послушайте!—обратился ко мне Славин.—Вот, вы рассказчиками занимаетесь, в Крокодиле там работаете и прочее... Н могли ли бы вы описать, в назидание, так сказать потомству, одну историю, которая со мной же и случилась? Но только, пожалуйста, чтобы фамилии—ни-ни!.. И так тошно!

— Пожалуйста... В чем же дело?

— Так слушайте! Пришел ко мне один человек... Так, из вполне беспартийных советских служащих. Пристал с ножом к горлу! Дай, да дай ему рекомендацию для поступления в один трест на место, связанное с под'отчетными суммами.

— Простите, товарищ, не могу! Я же вас почти не знаю.

И в самом деле—чужой человек. Физиономия плоская, гладкая, брючки модные на пальце—перстень. Мещанской пошлостью так и несет.

— Не могу, товарищ! Не просите!

Через день слышу звонкий голос:

— Можно?

— Войдите!

Входит... Как бы вам это описать, что входит? Платье на ней белое, без рукавов. Волосы—стриженные, рыженькие, легкие как паутина. Глаза и зубы какого-то особенного блеска... Как будто—блики по ней...

— Это вы, говорит, Славин?

— Да, отвечаю, я.

— А почему же...

Потупилась

— Да?

— Почему же у вас такой...

— Ну?

— Вид добродушный? Ведь, вы же на самом деле—злой!

Надо сказать, что я ошалел немного:

— Кто же вам сказал, что я—злой?

— Я и сама знаю. Вы же моему мужу отказали...

— В чем отказал?

Губы надулись, глаза сделались серьезными и детскими.

Я вспомнил, конечно, но не мог не улыбнуться. Надо было видеть какая она была хорошенькая!

— Да ведь я же, говорю, не знаю вашего мужа...

— Вы и меня не знаете...

— Так я бы и вам не дал рекомендации...

Лицо ее выразило крайнее изумление.

КУРТБЫТ ¹⁾.

На пляже,
Что блюда глаже,
Мотаясь
Взад и вперед,
Места
Выбирая посуше,
Шагает—
Такая туша,
Что даже
Ужас берет!
Ему б,
При его пудах—
Сидеть
На чистых прудах,
А он
Занимает место
По крайности—
Целого треста!
Я понял
Его идею.
Вот так,
Шагая без брюк,
Мечтает
Он стать—худее
К девятому
Октябрю!!!

¹⁾ Курортный быт.

Ник. Асеев

— Мне? Не дали бы? Вы шутите! Этого быть не может!

Но—короче, к делу!

Через день я знал, что ее зовут Мария. Через два дня, я проводил ее до дому и сдал мужу, который меня поблагодарил. Хотя он был в пижаме и от него пахло духами, я пожал его руку с некоторым оттенком благодарности.

Через три дня Мария мне говорила:

— Послушай, крот! Ведь, ты писать умеешь? Ну, если умеешь, то напиши там эту дурацкую рекомендацию! Глупо, что из-за бумажонки человек не может заняться делом! Крот! Ты любишь свою девочку? А, ведь, я тебя считала злым...

Славин сладко задумался.

— Да? И что же?—напомнил я.

— Когда ее муж вторично пришел ко мне,—очнулся Славин,—мне показалось, что я знаю его уже целую вечность. Неприятный он, конечно, но поскольку он женат на Марии... Мне казалось, что он не может не быть порядочным и лойяльным человеком...

Не знаю, впрочем, как я рассуждал, но как-то очень убедительно! Одним словом, рекомендацию дал. Неудобно было не дать... Нельзя...

— Так... И чем же кончилось?—спросил я.

— Кончилось? А вот...

Славин подвинул ко мне газету:

— Читайте — «Крупную растрату». Вот тут... Внизу.

Я прочел и вздохнул.

— Что же? опишите?—спросил Славин.—Ведь это—не со мной только. Правда? Надо же делиться опытом! Я уж не знаю, какую мораль вы выведете отсюда. «Не рекомендуй мужей?» или: «Не трогай чужих жен?» Это уж ваше дело!

Я передал нашу беседу в точности. Без морали.

В. Авиллов

Отказа ь.

„В Стародорожский сельсовет Хони Фельдмана, м. Старые Дороги,

Заявление.

В виду получения извещения об уплате за корову 3 р., которых я не в состоянии уплатить, ибо не имею никакого имущества и безработный тепе ь, прошу освободить меня от уплаты таковой.

Заключение комиссии:

„В виду того, что гр. Фельдман находится в крайне бедном положении, налоговая комиссия считает необходимым в ходатайстве отказать“

Вы думаете, товарищи,—описка, мол.

Пустяки описка. Три целковых-то гони!

Впрочем вот еще:

„В Стародорожский сельсовет гр. м. Старые Дороги, Иоселя Брашицкого
Заявление.

Я, нижеподписавшийся, прошу сельсовет освободить меня от возложенной на меня платы за лошадь и корову, в сумме одиннадцати рублей, так как я не имею средств уплатить, так что я получил землю в имени Новые дороги поселка Ивановка, которую надо обсеменить, посему прошу снять меня наложенную сумму.

Вот те и описка,

А посему,—

Заключение „Крокодила“:

В виду того, что означенная налоговая районная комиссия, очевидно, находится в бедственном состоянии, „Крокодил“ считает необходимым в дальнейшей работе. ей отказать“.



РАБКОР МЕЛОЧИШКИН.

Завклуб таинственно поманил пальцем рабкора:

— Мелочишкин,—сказал он,—сообщи тебе по секрету...

— Непорядки?—насторожился Мелочишкин.

— Более того. Бесхозяйственность и невнимательное отношение. Требуется осветить.

Мелочишкин вынул карандаш.

— У директора?—прошептал он.

— В завкоме, идем, покажу. Имеются вещественные доказательства.

Через минуту рабкор и завклубом на цыпочках подкрались к опустевшему завкомовскому столу.

— Видишь,—восторженно шепнул завклубом и ткнул пальцем по направлению к чернильнице:—окуроч. Окуроч в советском черниле. Понимаешь?

— Вижу,—задрожал Мелочишкин и вынул записную книжку. Бумага захрипела под смелыми ударами рабкоровского пера.

Через час Мелочишкин поставил точку, расчеркнулся и обратился к завклубу:

— Теперь требуется размножить в шести экземплярах. Садись за машинку.

— Для стенной гзеты в шести экземплярах?

— Что-о-о?—переспросил Мелочишкин,—я стану писать в стенгазету? Завтра утречком смотри «Правду», «Рабочую Москву» и «Московский Пролетарий», во всех трех. А три—на случай утери.

Машинка подобострастно зачирикала:

— Вниманию кого следует!!!

— Завком, подтянись!!!

— Милиция, ау!!!

— Непорядки на заводе!!!

Рабкор Шило.

В кабинете директора было душно и дымно.

Предзавком лениво курил директорскую папироску.

— Степан Иванович,—обратился к нему директор,—помою, как-то даже нехорошо.

— Ну?

— И как-то даже подозрительно.

— Что?

— Да ни одной заметки о фабрике,—вскрывающей, так сказать, обличительной. На всех заводах, посмотришь в газете, какой-нибудь дефектик, а у нас с вами, все в порядке. Главное,—подозрительно. Понимаете? Будут думать.

— Справедливо,—качнул головой предзавкома,—мне в союзе даже на этот счет специальный выговоричко за протоколен, за ослабление рабкоровского движения.

— Так понимаете, как-нибудь, ну...

Предзавкома задумался.

— Совершенно забыл—вдруг заорал он и снялся со стула. Нашел. Есть у нас Мелочишкин, даже выделен на общем собрании.

— Вот хорошо! Но вы понимаете, чтобы... так, немножко, не ругаясь.

Скоро предзавкома, с Мелочишкиным позади, осторожно крался к сточной трубе под уборной.

— Слушай,—шепнул он ему. Мелочишкин прижался к трубе.

— Течет?

— Течет.

— Пиши.

Через полчаса под шопот Мелочишкина, опять услужливо чиркала машинка:

— Трест, проснись!!!

— Охрана труда, где ты?!!

— Рабочая Газета, помоги!!!

— Дайте хороший клозет!!!

Рабкор Случайный.

Рабкора Мелочишкина крыли долго и более чем удовлетворительно. Под конец, слесарь Кузькин, помянув всех довоенных и допотопных родственников рабкора, произнес:

— Ежели под носом тащут тебе, сволоте, не видать, а об клозете мы все знаем. Рабкор из тебя, как из поганой тряпки жилетка!

Ночью Мелочишкин, озираясь и занавесив окно, переписывал от руки:

— ВЦИК, ау!!!

— ГПУ, подтянись!!!

— Правда, где ты?!!

Преследуют рабкора!!!

Мелочишкин.

МИШКА.

ЗАКОНОПРОЕКТ С ПОДВОХОМ.

В Совнарком внесен законопроект, по которому пред совершением брака оглашается число алиментов...

(Из газет).

Он, настроенный игриво,
Шел от Веры к Насте.
И весьма красноречиво
Ей шептал о страсти.
Шел от Насти к Антонине,
От Елены к Оле...
И порхал себе доньше
Мотыльчком в поле.
С Любой нежно целовался,
С Надею любился...
В Загсе браком сочетался.
В Загсе разводился.
Он эстет высокой марки,
Тонкая натура...
Но в «любовь» внесла ремарки
Здесь... регистратура.
«Ах, как глупо... Ах, как дико!»..
Сколько злости в фразе:
— «Алименты предяви-ка,
От прошедшей связи»!..
Алиментов тридцать девять...
— «Так куда же лез ты!..
От подобной цифры все ведь
Убегут невесты»!..
Убежала... Укатила...
Даже не просталась...
Башмаков не износила,
В коиц целовалась.
И завял он, ясный сокол,
Как цветы в ненастье...
Злой проект, увы, раскокал
Все мечты о счастье!

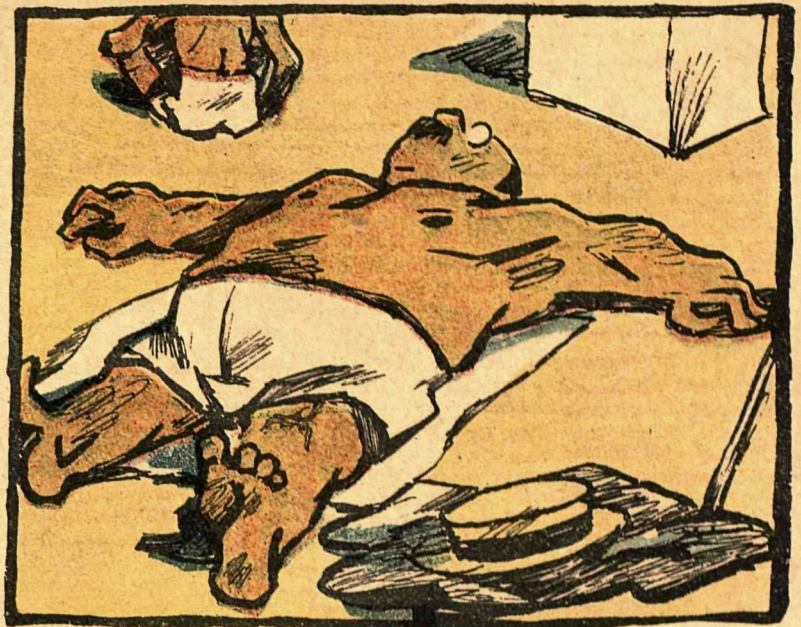
М. АНДР.

СКВЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ТОВАРИЩА БУЗЫКИНА ВО ВРЕМЯ ОТПУСКА.

Рис. Ив. Малютина.



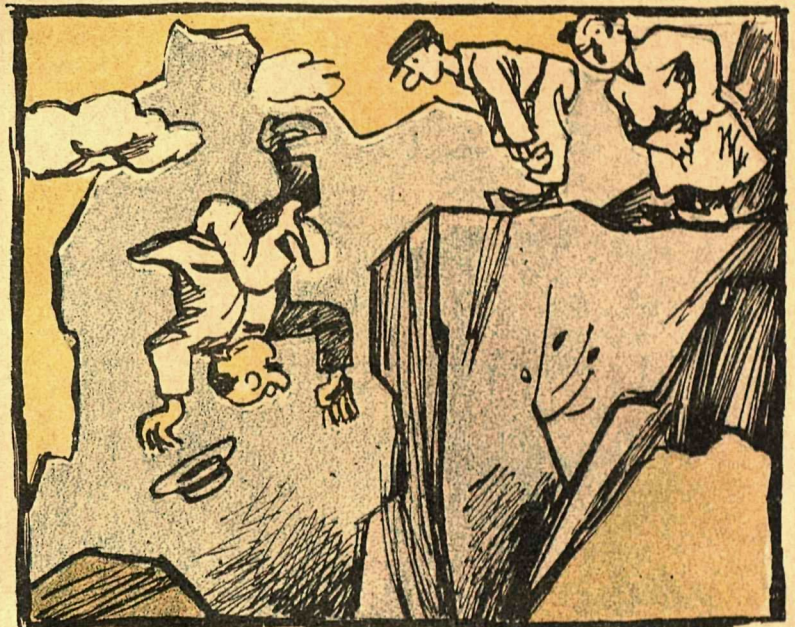
Во - первых, тов. Бузыкину во время отпуска море было по колено.



Этого мало, тов Бузыкин давал волю рукам.



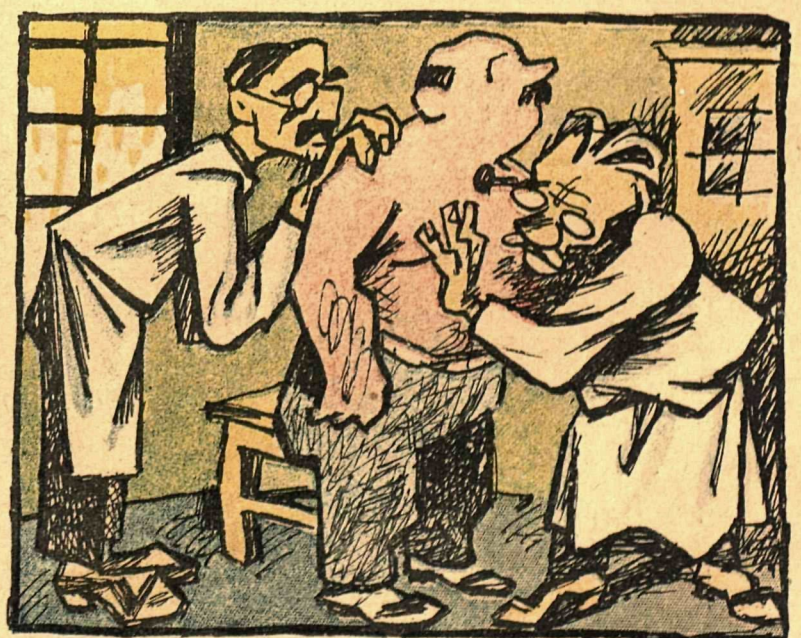
Ежедневно напивался.



Отрывался от масс.

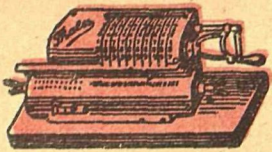


Вообще был по уши в грязи.



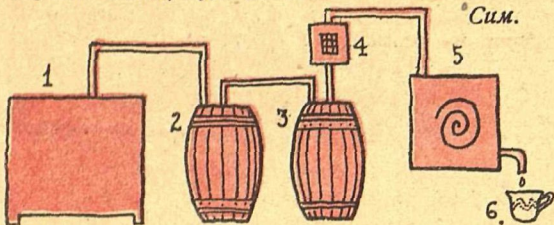
И, конечно, к концу отпуска попал в контрольную комиссию! Не беспокойся, читатель: во врачебную!

ПАНОПТИКУМ.



ЭКОНОМИТЬ—БЛАГОРАЗУМНО, НО...

(Управл. Сталинской окруж. милиции, Донбасс).
Выйдет солидная сумма, если на этой счетной машинке подсчитать, какая экономия получается от снабжения обмундировкой промилиции. Начальство получает от Донугля по 12 руб. в месяц на милиционера, для выдачи обмундировки. А выдает такое, извините, дерьмо, что и смотреть не на что.
Экономить, конечно, благоразумно... Но интересно знать, куда девается экономия?



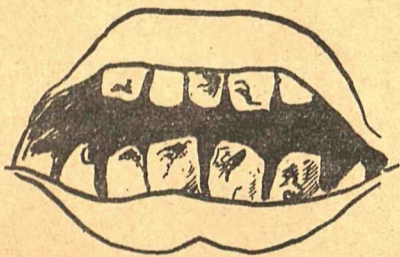
1. Кипятильник
2. } Бочки с за-
3. } кваской
4. Центр. холодильник
5. Змеевик
6. Выпей, друг!

СТОРОННИКИ ВЫСОКОЙ ТЕХНИКИ.

(Дер. Мал. Туваны, Ядринск. у., Казанск. губ.).
Схема самогонного аппарата улучшенной конструкции, из которого попивают предсельсовета Семен Ефимович и милиционер. Фамилии изобретателей: О. Н. Ташманов, Г. Е. Волков.

Гнать надо всю эту публику.

Ф. Н. Николаев.

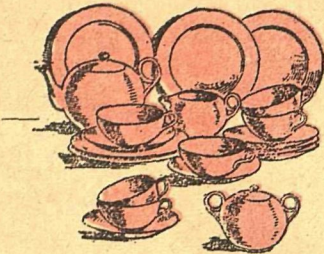


ГОРЕ ОТ БЕСПЛАТНОСТИ.

(Гор. Озеры, Коломен. уезда).

Дырявые зубы, которых не было бы, если бы при озерских фабриках не работал бесплатный врач. Один рабочий семь месяцев к нему ходит, и во рту у него теперь не зубы, а, можно сказать, тонкая кружевная работа.

Аист.



ОХОТНИК ДО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОБРА.

(Гор. Сталин, почта).

Кто до чего,—а он до посуды. Стоял в помещении почты сундук с посудой, приобретенной сотрудниками коллективно, для столовой. Стоял запечатанный правлением союза, тихо, никого не трогая... И вдруг...

Вот она здесь посуда, добытая заволом из этого сундука для своего хозяйства и не возвращенная, несмотря на просьбы и протесты.
„Один из хозяев посуды“.



ПАНОПТИКУМ.

Необходимый предмет.

(Школа фабзавуча, гор. Каменец-Подольска).
Этот предмет—намордник. Необходим он токарю Угриновичу. У него в цехе чуть случится брак—начинает матюгаться, швыряться материалом, поминать всех святых...—«Зубы вам всем,—кричит,—повыбить!...»

Угринович, а ты не думал насчет того, что если будешь меньше нервничать, то и браку станет, пожалуй, поменьше?

Фабзаяц.



СКИДЫВАЙ ШТАНЫ!

(Гор. Армавир, педтехникум).

Фиговый листок, выданный на прощанье окончившим 4-й курс курсантам. Выдан для прикрытия наготы, т. к. в ознаменование торжества выпуска одежда у курсантов отобрана.

Тарарабумбия.

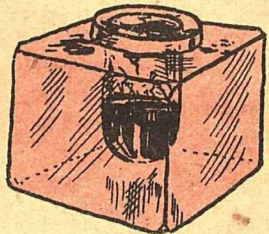


ДА ЗДРАВСТВУЕТ САМОПОМОЩЬ!

(Гор. Житомир).

Походная посуда, какую рекомендуется носить с собой посетителям летнего сада совработников, что на 3-м бульваре. Клуб хороший, и культработа ведется хорошо,—но как уж не носить с собой посуды, если клуб рассчитан на 2.000 чел., а уборная при нем—на одного человека?

Крокор Их.



РУЧНЫМ ТРИБУНАЛОМ!

Чернильница, которая была брошена в зав. конторой «Стандарт» Богородского отделения, инженера Кудюмова, одним из учеников, за месячную задержку зарплат.

Не раз'яснит ли местком этому молодому и энергичному товарищу, что чернильница служит для других целей?

Свой.

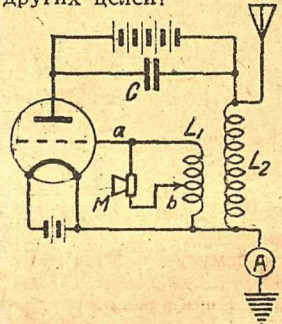


Рис. 2. Схема телефонного передатчика с последовательным питанием

РАБОТАЕТ НА БАРИНА.

(Гор. Бирск, Башреспублика).

Предмет, нужный взамен посыльного канцисполкома Фелицына, которого зав. общим отделом и член президиума И. Г. Черепанов по 34 раза в день гоняет с записками домой. То осведомляется о здоровье жены, то спрашивается, что на обед, то зовет на лодке кататься.

Не умеют в Бирске наладить работу. Давно пора поставить радиопередатчик для обслуживания домашних нужд уважаемого семейства.



САМ ПЬЕТ И СОБАКАМ ДАЕТ.

(Усть-Чулымский лесозаготовит. уч., Томск).
Собаки, опьяневшие от того, что слизали тошноту местного прораба И. Голубева. Его стошнило на улице, тут же он заснул; и принесла нелегкая собак!

Сам пьет, и с другими делится. Доброта!

СИНЯЯ ПТИЦА.

Он бежал по Красной площади без шапки, с расстегнутым воротом. Лицо выражало крайнюю степень волнения, глаза блуждали. Подбежал к лобному месту, взошел, тряхнул головой, поклонился собравшимся земным поклоном и заявил громким, хотя и дрожащим голосом:

- Виноват, товарищи-граждане. Мой грех, каюсь...
- Младенчика удушил!—выразила предположение какая-то женщина.
- Не младенчиком, мадам, пахнет! Небось цельное семейство в расход вывел!

— Не читал последнего номера „Крокодил“!—с надрывом продолжает неизвестный.

Толпа ахнула и замерла.

— Не наче,—пьяный! Нешто тверезый про себя такое покажет?

— Дернула нелегкая с утра не закупиться,—продолжал неизвестный.—Думал—успею. А в обед пошел по газетчикам—распродали. Я туда—сюда. Где там! Разошелся весь. Уж я какие деньги давал,—да где же его взять-то.

— Чудак,—сообщила толпа:—нешто „Крокодила“ купишь в обед? С утра надоть хлопотать! К одиннадцати часам—весь расхочется!

— Кающегося препроводили в контору „Рабочей газеты“, где ему удалось подписаться сразу на три месяца и тем обезопасить себя от повторения несчастных случаев.

Вл. П.

ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА.

— Нет, товарищи, пора опять заседанияще устроить, а то к Петру Павловичу и не подступиться... А после заседания-то...

— Да, да! И мне тоже кажется. Аванс я хочу взять, а так разве даст? Только я буду уж на этот раз дежурная, а то в прошлый четверг Осьминкин такое себе позволял...

— Анна Михайловна, дорогая! Так не для себя же! Вы все время говорили, что боитесь щекотки, а там—хоть бы что! Я же разве что? Я женатый!

— Это уж не щекотка, Осьминкин, а... Нет, нет, ни за что!

— Анна Михайловна, нельзя же так! Ведь только двое, кроме вас, щекотки боятся. Ничего не выйдет. А я с своей стороны... Честное слово... Еще надо будет Марью Игнатьевну захватить на заседание,—она тоже щекотки, кажется, боится...

— Ах, вы и это знаете? Очень хорошо! Вот и пускай Марья Игнатьевна ваша идет, а я буду дежурить... Впрочем, я совсем не пойду, сидите с вашей Марьей Игнатьевной? Вам, ведь, все равно, что она кособокая...

— Во-первых, она не моя, а во-вторых,—я не понимаю даже, при чем тут я?

— Нечего уж теперь отпираться! Сами сказали—щекотки боится!

— Анна Михайловна, родняк, да я же говорю—слышал! Разве я что?

— Хорошенькие у вас разговоры про женщин идут,—сейчас же—щекотки боится! Как это пошло с вашей стороны! И никто ничего хорошего не скажет! Даже такую дуру и страшила, как Марья Игнатьевна, в покое не могут оставить. Противно, ведь...

— Господа, господа, бросьте это! Конечно, Анна Михайловна, вам надо впереди сидеть. И еще Опенкин сядет, Марья Игнатьевна и Сметанин. Бросьте споры! А я сейчас пойду к Петру Павловичу, и мы условимся...

Петр Павлович, узнав, что сотрудники прсят устроить заседание для того, чтобы совместно решить кое-какие вопросы,—просветлел:

— Очень рад. Попрошу сегодня вечером. В моем кабинете. Очень рад!

Собрались. У стола сели: Опенкин, Марья Игнатьевна, Анна Михайловна и Сметанин. Кротов, Осьминкин, Залезев и Тупов со Стопальным поместились сзади.

— Что же, товарищи, подсаживайтесь к столу,—хватит места!

— У нас, Петр Павлович, глаза слабые, от света больно. Мы уж тут.

Сначала заседание шло вяло. Но вот Петр Павлович хихикнул с неподобающей его сану резвостью и сообщил:

— В педант к сему, как говаривали семинаристы, слышал я анекдот! Замечательный! Идет это барыня с собачкой...

Петр Павлович фыркнул. Сидевшие у стола тревожно зашевелились.

— Да! Барыня идет с собачкой, а собачка... Хи-хи-хи!

И Петр Павлович опять захихикал.

— Собачка с барыней...

— Ииих!—вдруг дико взвизгнула и покати-лась мелким смехом Марья Игнатьевна, пере-дернув как-то плечами.

— Ууух!—отозвался диким хохотом Опен-кин.

— Подождите, товарищ,—сквозь смех про-говорил Петр Павлович:—самое смешное—дальше! Идет это собачка, а барыня...

Он снова захихикал, но его хихиканье было покрыто дьявольским хохотом Сметанина, визгом Марьи Игнатьевны, стоном Анны Михайловны и пронзительными звуками задыхаю-щегося от смеха Опенкина.

— Ой, ой! Не могу больше, не моогуу!—ныла Анна Михайловна:—Осьминкин, ааах!

— Бросьте, бросьте!—кричала дохохотав-шаяся до слез Марья Игнатьевна.

— Довольно!—молвил коротким лаем Опен-кин.

Безумно икавший Сметанин только махал рукой.

Сам рассказчик тоже не мог выговорить ни слова и катался от смеха по дивану.

Анекдот не был докончен за явным истоще-нием всех от непосильного смеха.

Заседание продолжалось.

Успокоившийся и отдохнувший от смеха Петр Павлович внимательно слушал какое-то рассуждение Тупова. Потом вздохнул и ни к селу, ни к городу сказал:

— Что значит—крайности! Так, смеялись, а я сейчас вспомнил жуткий случай, который

был со мной на фронте. Еду я верхом по степи. Темнота, понимаете. Вдруг...

— Ой!—вскрикнула Анна Михайловна и схва-тилась за ногу.

— Ай!—пискнула Марья Игнатьевна и как-то ерзнула по креслу.

— А, чорт!—проревел Сметанин, взвизывая со стула.

— Сво!!!—заорал Опенкин и мотнул головой.

Впечатление от рассказа о том, что Петр Павлович увидел бандита в степи и отбил-ся от него незаряженным револьвером, было потрясающее. Петр Павлович снял и цвел.

На улице, между участниками заседания раз-вернулись бурные прения:

— Морду надо бить за это!—орал Смета-нин:—шиллом в мягкое место?! Аж до крови! Мыслимое это дело?

— У меня сияк от вашего щипка теперь во всю ногу! Вы с ума сошли!—со слезами в го-лосе говорила Анна Михайловна.

— Вы окончательно забылись!—взволнова-но шумела Марья Игнатьевна.

— Плешь теперь на голове-то у меня! Цел-ый клок волос выдрал, скотина! Разве так можно?

— А что же с вами делать?—оправдывались дежурные:—он уже «вдруг» сказал, а вы мол-чите! Ну, и пришлось шилом кольнуть. Хоть и с запозданием, да вскрикнули. А ежели сияк на ноге—велика важность! С вами-то Марья Игнатьевна, вообще, ничего не случи-лось. Что же касаемо волос—отрастут. Один профессор говорил...

...На другой день все просьбы «работников» об авансах и прочем были удовлетворены. Сиянки, уколы, щипки и волосанка были за-быты—до следующего «заседания».

Плутушка.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ.

Газета—дорога. Строчки—кочки. Идешь — спотыкаешься на каждой строчке. С трудом продвинешься, спотыкаешься снова. Что ни строчка—непонятное слово.

Особенно статьи о переговорах между стра-нами, битком набиты словечками странными. Поэтому мною выпускается новый для слов бестолковых, словарь толковый.

1) **Версальский** (термин дипломатический) — по русски «Версальский» значит грабитель-ский.

2) **Мир**—небольшой промежуток времени новой войною беременный.

3) **Окупация**—от глагола «окупать». Вдвой-не окупация окупает расходы по войне.

4) **Репарация**—звучит свирепе, происходит от слова «репа» (тянут, потянут, вытянут не мо-гут).

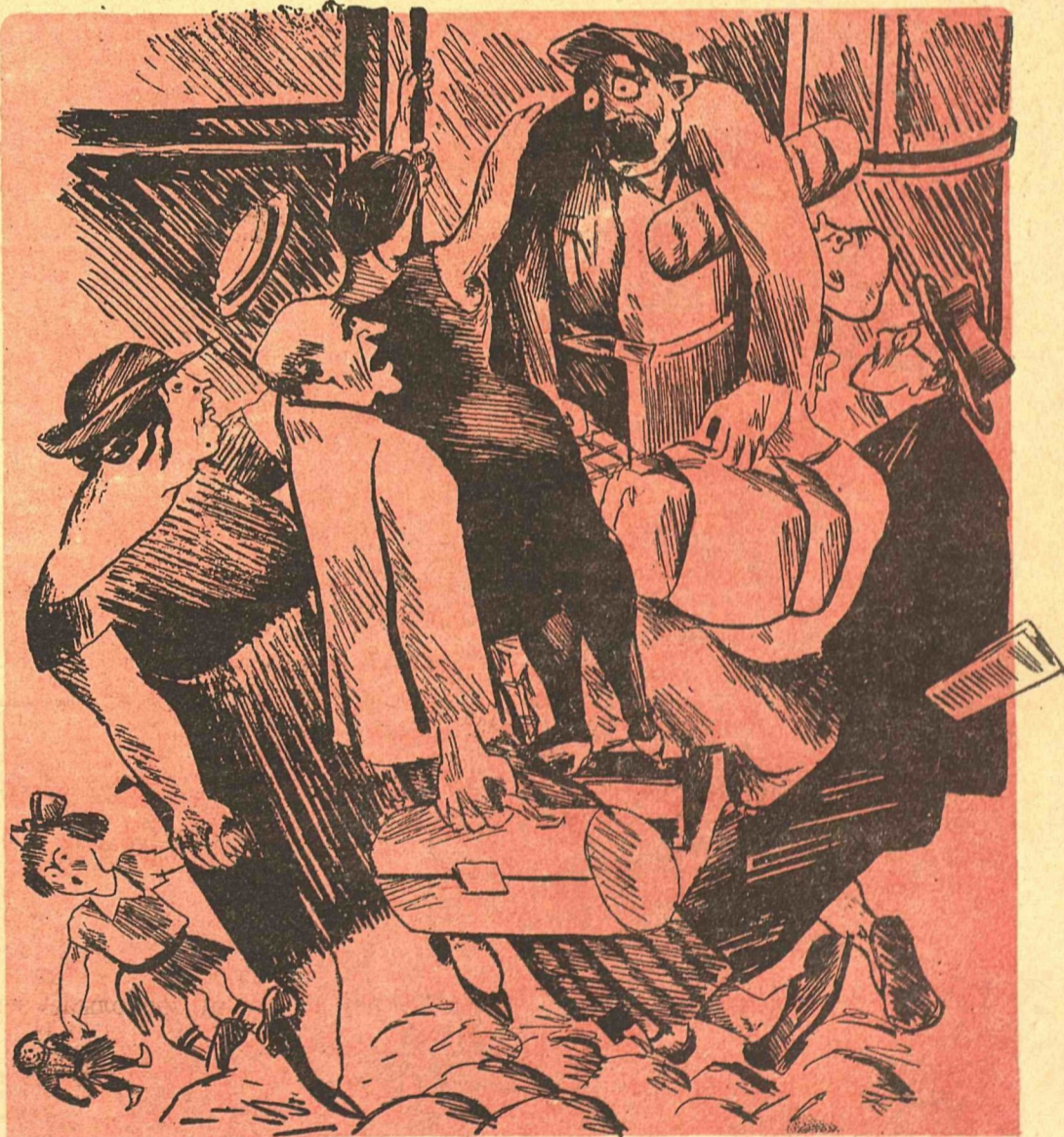
5) **Гарантии**—вид на жительство, без обоз-начения даты, по которому франко-английские солдаты, не взирая ни на какие истории, про-живают на германской территории.

6) **Гарантийный пакт** — по-русски договор, который с ограбленным заключает вор. На во-прос: «почему называется пакт?» отвечаю: что-бы было похоже на факт.

7) **План Дауэса**—для немца, для китайца... В кожевенной промышленности употребляется. С виду—петлей завязанный шнур, служит для сдиранья семи шкур.

Составил. *Мих. Вольпин.*

В ДАЧНОМ ТРАМВАЕ.



— Гражданин, вы сходите?
— Схожу!
— Так отчего вы не двигаетесь?
— С ума схожу!!

